

Как ни важен отец в жизни любого человека, но недаром в народе говорят, что без матери — человек полный сирота. Образ матери в творчестве Валерия Сухова один из сквозных, он зримо и незримо присутствует во всех его стихах.

Я родился в селе Архангельском.
Коренном, российском, не ангельском.
Там земная юдоль — не райская.
Церкви нет уже с давних пор.
Но родное село Архангельское —
Вот Архангельский мой собор.
Без молитвы душа томится.
Без истоков мелеет река.
И пора мне к ним возвратиться,
Чтобы матери поклониться,
И святой водой причаститься
Из отцовского родника.

Мать олицетворяет для каждого из нас, а для поэта в особенности, живое приобщение к родовой памяти, которая веками и тысячелетиями питает каждую семью России. Образ родника, родины и матери у Валерия Сухова неотделимы друг от друга. По сути, если хочешь узнать, насколько тот или иной стихотворец любит Родину не на словах, а душой, почитай его строки о матери — и тебе все станет ясно.

Праматерь — старая ветла
Под окнами родного дома
Морщиной каждою была
На ощупь с детства мне знакома.

Ее я гладил по коре.
Шершавого тепла касался.
И ветер времени в дупле
Протяжным эхом отзывался.

Говоря о материнском стволе, автор словно бы намекает, что этот ствол и есть становой хребет родового тысячелетнего древа.

Сквозным для поэта стал также образ полыни и ее горький запах:

С холма окину взглядом склон.
Волненье душу заколышет.
Полынь взяла меня в полон.
Она вселенским горем дышит.
<...>
Сорвешь полынь — и сам не свой.
В жару, как погорельцу в стужу,
Святой и горькою тоской
Полынный дух сжигает душу.

Жизнь в России никогда не была простой и, видимо, не будет. Но пока мы видим образы наших ушедших матерей в шепчущих о чем-то сокровенном березах и в склонившихся над водой, словно во время стирки, ветлах — мы не сироты!

Эдуард АНАШКИН

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

На глазах сжимается, как сердце,
То, что нам завещано в веках.
Горсть земли в ручонке у младенца.
Горсть земли в руке у старика.

Горсть земли, что слаще земляники.
Горсть земли, что пота солоней.
Человек становится великим,
Если солью растворится в ней.

Горсть земли — горячая от крови
У солдата запеклась в руке.
На чужбине был он похоронен
От полей родимых вдалеке.

Пыль дороги смерчем закружится
И осядет на полынь в тоске.
Горсть родимой принесла землицы
На могилу сына мать в платке.

И забьется вдруг родное сердце —
Слезы оживить его смогли!
Горсть земли в ручонке у младенца
Вобрала все горести земли.

ОГОНЬ РЯБИНЫ

Нет поэта без родины.

С. Есенин

Без родины поэта нет.
Родного не понять чужому.
Так в сумерках заветный свет
Вдруг обожжет тоской по дому.

Тогда по-волчьи впору выть
Сухому перекасти-полю,
То вспомнив, что нельзя забыть,
Бродяжью проклиная долю.

Поэта русского судьба —
Врасти корнями в край родимый.
Здесь материнская изба
Хранит в окне огонь рябины,

Когда печально старый клен
Клин провожает журавлиный.
А ветер колокольный звон
Разносит, как напев былинный.

А за рекой такой простор,
Что сердце не захочет рая.
И вспыхнув здесь, души костер
Горит, как Русь, не угасая.

ХОЛМЫ ЗЕМНЫЕ

Дохнул прохладой августа закат.
Устало стадо возвращается под вечер.
Коровы понимают русский мат
И пастухам покорно не перечат.

Бредут буренки тихо, как века.
Глаза полны какой-то грустью древней.
И оживает русская деревня,
Испив с устатку молока...

Звенит вечерошник. Коровы видят сон.
Им снится луговое разноцветье,
Жужжанье пчел, кузнечиков трезвон,
Густой туман и росы на рассвете.

Вместилась жизнь в коротких три глотка.
И глиняная крынка запотела.
Сдувает ветер пену-облака
И к небу приникает то и дело.

Родным повеяло издалека.
Холмы земные солнышком налиты.
И запахом парного молока
Полны полынной родины молитвы.

ПОЛЫНЬ

С холма окину взглядом склон.
Волнение души заколышет.
Полынь взяла меня в полон.
Она вселенским горем дышит.

И боль от времени больней.
Ее не вырвать, словно жало.
Родную землю до корней
Обжег огонь степных пожаров.

Где билось полымя — полынь,
Седое поле — пепелище.
Полынь — куда глаза ни кинь.
Над ней по-скифски ветер свищет.

Сорвешь полынь — и сам не свой.
В жару, как погорельцу в стужу,
Святой и горькою тоской
Полынный дух сжигает душу.

НА РОДИНУ ВЕРНУЛСЯ

Иду домой, как в гости,
Один среди людей.
Качнулся шаткий мостик
Из сгорбленных жердей.

Рукой подать до Бога.
Над полем — облака.
Покрылась льдом дорога,
Как времени река.

На родину вернулся,
Чтоб мать в живых застать.
На тень ее наткнулся
И дрожь не смог унять.

Прошла и не узнала,
Седая, словно смерть...
Кого она встречала?
Дорога, мне ответь.

ВЕТЛА

Праматерь — старая ветла
Под окнами родного дома
Морщиной каждою была
На ощупь с детства мне знакома.

Ее я гладил по коре.
Шершавого тепла касался.
И ветер времени в дупле
Протяжным эхом отзывался...

Вновь к материнскому стволу
Я через годы прижимаюсь.
Преданий слышу древний гул
И сердцем с деревом срastaюсь.

Тот отзвук в памяти храня,
Душа б для слова не созрела
Без обращения к корням
У векового жизни древа.

* * *

Дорога седая,
Время пришло...
Вижу с холма я
Родное село.

Незримо веками
Его Михаил
Архангел крылами
Святыми хранил.

Здесь я родился, крестился,
И тут,
Как милость,
Последний найду приют.

Время настанет.
Не станет меня.
Крест на могиле поставит
Родня.

Последним дыханьем
Плывя над селом,
Мать — снежный ангел
Махнет крылом.

И на погосте
В седой пыли
Я стану горстью
Родной земли.